

Ю. Е. Кондаков

Клирики Русской Православной Церкви в масонских ложах

УДК 061.251(470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_4_325
EDN NEWZSY

Аннотация: Масонское движение в России началось позже, чем в Западной Европе, но прошло те же этапы. При Екатерине II в России была учреждена Великая ложа. Российские масоны сменили целый ряд систем, по которым работали. Наиболее популярными в XVIII–XIX вв. были «Шведская» и «Розенкрейцерская» системы. Их последователи утверждали, что являются хранителями «истинного христианства», и опирались на христианскую доктрину и Священное Писание. Подобная позиция предопределила участие в работе лож этих систем православных клириков. Русская Православная Церковь не давала оценку масонскому движению и не налагала запретов на вступление в ложи. При этом гласно и негласно масонские ложи запрещали Екатерина II, Павел Петрович, Александр I и Николай I. Не желая поводов для конфликтов с властями, масоны посвящали в ложи православных клириков крайне редко: зафиксировано всего 23 клирика, с разной вероятностью бывших масонами. 17 из них вступили в ложи «Розенкрейцерской» системы. Священников привлекала религиозная составляющая розенкрейцерских работ и близкая им интерпретация европейского богословия. Особенно представительным был состав клириков, принимавших участие в тайных собраниях, после запрета масонских лож в 1822 г. Заседания ложи «Теоретического градуса Соломоновых наук» посещали члены Св. Синода, ученые богословы, настоятели монастырей, духовники видных особ и даже миссионер — архимандрит Макарий (Глухареv), приобщенный к лику святых.

Ключевые слова: масонство, масонские системы, «Розенкрейцерская» система, «Теоретический градус Соломоновых наук», Св. Синод, клирики, священники, запрет масонских лож.

Об авторе: **Юрий Евгеньевич Кондаков**

Доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, руководитель проекта в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

Для цитирования: Кондаков Ю. Е. Клирики Русской Православной Церкви в масонских ложах // Христианское чтение. 2025. № 4. С. 325–332.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-01029, <https://rscf.ru/project/25-28-01029/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 27.07.2025; принята к публикации 14.08.2025.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2025

Yuri E. Kondakov

Clerics of the Russian Orthodox Church in Masonic Lodges

UDK 061.251(470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_4_325
EDN NEWZSY

Abstract: The Masonic movement in Russia began later than in Western Europe, but went through the same stages. Under Catherine II, the Grand Lodge was established in Russia. Russian Masons changed quite a lot of systems they worked by. The most popular ones in the 18th–19th centuries were the “Swedish” and “Rosicrucian” ones. Their followers claimed to be the guardians of “true Christianity” and relied on the Christian doctrine and the Holy Scripture. Such a position predetermined participation of Orthodox clergy in the work of the lodges of those systems. The Russian Orthodox Church avoided giving any assessment of the Masonic movement and did not impose bans on the joining of lodges. At the same time, Masonic lodges were publicly and secretly banned by Catherine II, Pavel Petrovich, Alexander I and Nicholas I. Trying to eliminate causes of conflicts with the authorities, Masons initiated Orthodox clergy into lodges extremely rarely. Only 23 clergymen were registered as Masons, with varying degrees of membership. 17 of them joined lodges of the “Rosicrucian” system. The priests were mostly attracted by the religious component of Rosicrucian works and their resonant interpretation of European theology. The composition of the clergy who took part in secret meetings after the banning of Masonic lodges in 1822 was especially representative. Those attending meetings of the “Theoretical Degree of Solomonic Sciences” lodge included members of the Holy Synod, learned theologians, superior fathers of monasteries, confessors of prominent persons and even a missionary – Archimandrite Macarius (Glukharev) who was canonized.

Keywords: Freemasonry, Masonic systems, “Rosicrucian” system, “Theoretical Degree of Solomonic Sciences”, Holy Synod, clergy, priests, ban on Masonic lodges.

About the author: **Yuri Evgenievich Kondakov**

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Herzen Russian State Pedagogical University, Project Manager at the Russian Christian Academy for the Humanities.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

For citation: Kondakov Yu. E. Clerics of the Russian Orthodox Church in Masonic Lodges. *Khristsianskoye Chteniyе*, 2025, no. 4, pp. 325–332.

Funding: The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-01029, <https://rscf.ru/project/25-28-01029/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 27.07.2025; accepted for publication 14.08.2025.

Официально история масонства ведет отсчет с 24 июня 1717 г. — с создания Великой ложи Лондона и Вестминстера. Первые сообщения о русских масонах относятся к концу царствования императрицы Елизаветы Петровны. Полуофициальный характер российский масонство приобрело при Екатерине II, когда ее доверенное лицо И. П. Елагин получил разрешение открыть Великую Провинциальную ложу. Вскоре масоны разделились, часть из них перешла на «Циннендорфскую», а затем на «Шведскую» систему. В 1782 г. московские масоны получили из Берлина «Розенкрейцерскую» систему и «Исправленный шотландский устав». В 1780 г. негласному запрету подверглись ложи «Шведской» системы, а в 1792 г. Екатерина II пресекла деятельность розенкрейцеров. Вновь широкое масонское движение открылось при Александре I. Масонам было разрешено открыть два союза: Великую Провинциальную ложу и Великую ложу «Астрей». Возобновили свою работу ложи розенкрейцеров. В 1822 г. последовал официальный запрет на работу лож, подтвержденный Николаем I. В условиях запрета организации розенкрейцеров продолжали работу. В Москве последователи «Розенкрейцерской» системы сохранились до 1917 г. С 1905 г. российские ложи были возрождены, но их деятельность была недолгой. На всех этапах существования масонства в России в ложи входили дворяне, чиновники, деятели образования и культуры, помещики и мещане. Очень вероятно посвящение в масоны императоров Петра III и Павла Петровича. В отличие от Католической Церкви, Русская Православная Церковь никогда не издавала запретов на вступление в ложи и не давала оценки масонскому движению.

Первое сообщение о православных клириках-масонах обнаружено П. П. Пекарским. Он нашел записку без заглавия и подписи в Государственном Архиве, она относилась к первым годам царствования Екатерины II. Имя автора записки неизвестно. В ней сообщалось о масонах из окружения императора Петра III, в том числе о священнике: «Преображенского Полку протопопа Андрея, яко подозрительного человека, масона и явного злодея церкви святой, взято б под караул, потому что бывшему Государю в Петров пост во время учения полку, ругая предания Св. Отцов, разрешал во все посты мясо есть» [Пекарский, 1869, 5].

Следующий раз беспокойство по поводу клириков-масонов выражала уже сама Екатерина II в 1784 г. В своей записке императрица отдавала распоряжение начать расследование по поводу изданной в Москве «Истории Ордена иезуитов». О семинаристах, обучавшихся за счет «Дружеского ученого общества» (розенкрейцеров), Екатерина II писала: «Имена осьми семинаристов нужно знать паче же тех, кои постриглись, дабы не попали в кандидаты Епархиальные для Епископства» [Покровский, 2010, 287–288]. Позднее, в 1790 г., митрополит Московский Платон (Левшин) проводил опрос трех дружеских обществ «Дружеского ученого общества» на предмет того, не масоны ли они. Специальных мер по этому поводу Екатерина II так и не предприняла. Следствие по делу Н. И. Новикова петербургских розенкрейцеров вообще не затронуло. Был оставлен без внимания и будущий митрополит Петербургский Михаил (Десницкий; 1762–1821), указанный Новиковым как розенкрейцер. При императоре Павле Петровиче, в 1796 г., свящ. Михаил Десницкий был назначен пресвитером придворной церкви. В 1799 г. он принял монашество.

Информация о клириках-масонах нач. XIX в. содержится в сочинениях архим. Фотия (Спасского; 1792–1838). В своем труде «Житие блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского» (1820) архим. Фотий передавал слова еп. Иннокентия (Смирнова; 1784–1819) о митр. Михаиле. Епископ Иннокентий рассказывал, что митрополит действительно раньше состоял в «секте некой нечестивой», но «познав лезть и нечестие, все отверг и поправ» [Фотий Спасский, 2010, 97]. В своей автобиографии архим. Фотий относил к масонам архим. Феофила (Финикова; 1788–1860), архим. Иова (Куроцкого; 1783–1832). Архимандрит Фотий писал: «Во время оно тайные делопроизводители тайных обществ с лицами первейшими духовного звания были в таком сообщении, что где одни, там и другие бывали» [Фотий Спасский, 1894, 211]. Доказательствам этим утверждениям архим. Фотий не приводил. Можно

предположить, что имелось в виду совместное участие масонов и православных архиереев в Российском библийском обществе.

Сведения о православных клириках-масонах сохранились в воспоминаниях розенкрейцеров А. П. Протасова и В. С. Арсеньева. «Одним из старших и уважаемых членов был Михаил (Десницкий), впоследствии митрополит» [Протасов, 1897, 118], — рассказывал Протасов. Арсеньев упоминал С. И. Соколова и Ф. А. Голубинского [Арсеньев, 2005, 273–300]. Одним из последних российских розенкрейцеров стал сын В. С. Арсеньева, свящ. И. В. Арсеньев (1859–1930) (см.: [Серков, 2020, I, 104]). Этим ограничиваются упоминания в литературе клириков-масонов.

В настоящее время основным источником для выявления православных клириков-масонов является биографический словарь А. И. Серкова. Сам автор специально не обращался к рассматриваемой тематике, но упоминал клириков-масонов в своей монографии по XIX в. В главе «Период расцвета масонства в России (1815–1822)» Серков указывал, что «Еще в период существования Дружеского ученого общества ряд священнослужителей оказался тесно связан с московскими розенкрейцерами» [Серков, 2000, 209]. Автор перечислял трех священнослужителей: свящ. М. М. Десницкого, диак. С. И. Соколова и архим. Филарета (Дроздова). Какие основания были у Серкова для внесения в список масонов святителя Московского, остается непонятным. В словаре Серкова рядом с фамилией митрополита указана ложа «Умиравший сфинкс» А. Ф. Лабзина (см.: [Серков, 2020, III, 565]). В списке ложи митр. Филарет указан в качестве возможного посетителя (см.: [Серков, 2020, IV, 493]). На таких основаниях в список масонов можно включить вообще любую персону.

Из переписки И. А. Поздеева Серков получил сведения о том, что в масонство были посвящены иерод. Гермоген (Сперанский), иером. Феоктист (Орловский). Членами ложи «Нептун» стали диаконы Петр Лебедев и Иоанн Колковский. Ссылаясь на свидетельство А. Смирнова (Платонова), Серков утверждал, что 1 марта 1816 г. в Троице-Сергиевой лавре была открыта ложа из студентов местной семинарии. Прикрытием для ложи стало студенческое общество, занимавшееся изучением богословско-философских вопросов (см.: [Серков, 2000, 210–211]). Без указания ложи Серков относил к масонам иерод. Гермогена (Карпов-Федоровский-Сперанский Георгий Прокопьевич; 1778–1845), до 1816 г. библиотекарь Московской духовной академии (МДА), с 1816 г. инспектор МДА, в том же году назначен настоятелем Высоцкого монастыря. Его посвящение прошло в ложе «Нептун» в 1816 г. (см.: [Серков, 2020, I, 547]). По складу характера иерод. Гермоген очень подходил на роль руководителя ложи из семинаристов. Никаких документальных следов деятельности этой ложи не сохранилось.

Без ссылки на источник Серков утверждал, что И. А. Поздеев поручил генералу Ф. М. Рахманову руководить масонами Троице-Сергиевой лавры. В опубликованной Серковым переписке Поздеева есть его письмо Рахманову от 30 ноября 1816 г. Речь в нем идет о посвящении в масоны иерод. Гермогена (Сперанского), причем из текста очевидно, что пока ему дали лишь ознакомиться с текстом обрядников трех степеней. Поздеев предписывал освободить иерод. Гермогена от ритуала посвящения и провести обряд в очень упрощенной форме. Поздеев планировал поручить посвящение руководителю ложи «Нептун» П. И. Голенищеву-Кутузову. Рахманову предписывалось сообщить иерод. Гермогену, что «он может введен быть без обрядов, но с изъяснением на тех местах, где бывают обряды» [Серков, 2020, I, 271]. 24 апреля 1817 г. Поздеев благодарил Рахманова за то, что иерод. Гермоген и иером. Феоктист (Орловский) приняты со всеми обрядами. Для масонского обучения они были поручены Ф. М. Рахманову. Поздеев давал рекомендации, с какими книгами нужно знакомить новых масонов-священников (см.: [Серков, 2020, I, 327]). В ответном письме 28 апреля Рахманов сообщал, что П. И. Голенищев-Кутузов хочет, чтобы иерод. Гермоген приехал в Москву для получения третьей степени посвящения (см.: [Серков, 2020, I, 329]). Все это противоречит утверждению А. Смирнова (Платонова) о том, что 1 марта 1816 г. в Троице-Сергиевой лавре была открыта масонская ложа и Рахманов был назначен

Поздеевым ее руководителем. Рахманов получал от Поздеева задание быть руководителем принятых в масоны священников, но ни о какой ложе речь не шла. Иеродиакон Гермоген не мог в 1817 г. возглавлять ложу, так как не был посвящен в мастерскую степень. Все посвящения проходили на базе ложи «Нептун». Вступать в масоны московских священников заставляло не наличие ложи из духовных лиц, а их дружеские и служебные связи.

Всего А. И. Серков дает сведения по 23 православным клирикам-масонам. На сайте «Теургия» можно найти короткий доклад С. П. Карпачева «Православные священники в русском масонстве второй половины XVIII — первой половины XIX вв.» (без даты написания и места публикации). Карпачев использовал в качестве источника словарь А. И. Серкова, им добавлены без имени «Священник церкви Рождества Христова», «Андрей, протопоп Преображенского полка», митр. Серафим (Глаголевский) — последний без всяких оснований. Анализа масонской деятельности священников Карпачев не проводил. С его итоговым выводом можно согласиться. Карпачев пишет, что из 60 тыс. российских православных священников сер. XIX в. в ложи входили всего 23 человека. Это очень малая доля в числе 8,5 тыс. масонов того времени. Таким образом, православные клирики-масоны — редкое исключение.

Проблему представляют пять клириков, по которым А. И. Серков не дает информации, к каким ложам они принадлежали, или информация по ним недостоверная. Все эти лица вступили в масонство в XIX в. Перечислим их.

Иоанн Васильевич Эвенхов (1787–1834) — иеромонах, законоучитель 2-го Кадетского корпуса. Предположительно принадлежал ложе «К мертвой голове». Сведения об этой ложе не подтверждены документами, состав ее представляется очень сомнительным. Серков указывает, что эта ложа собиралась в доме И. А. Поздеева в 1806–1809 гг. и работала в степени «Теоретический градус». При этом известно, что Поздеев разрешил работу в «Теоретическом градусе» только перед своей смертью в 1820 г. Он был сторонником соблюдения «силанума» (запрета, наложенного розенкрейцерами на работу высших степеней в 1786 г. и так и не снятого). Сам Серков признает, что сведения о ложе «малодостоверны» [Серков, 2020, IV, 150].

Алексей Смирнов (Платонов) — священник, по сведениям А. И. Серкова, «член ложи в Троице», которая существовала с 01.03.1816 г. [Серков, 2020, III, 388]. Сведения о ложе в Троице-Сергиевой лавре остаются неподтвержденными.

Савва Крылов-Платонов (в монашестве Симеон; 1777–1824), архиепископ Тверской, Ярославский, указан без ложи (см.: [Серков, 2020, I, 673]). Вероятно, он отнесен к масонам, так как с 1814 г. возглавлял МДА.

Выпускником Московской семинарии (1821) был Николай Дмитриевич Лавров (1803–1881), прославившийся как сотрудник Алтайской духовной миссии (см.: [Серков, 2020, II, 408]). Вступить он мог только в мифическую ложу в Троице-Сергиевой лавре.

Указан без ложи некий иером. Моисей, «основатель масонских собраний в доме купца Мещанинова в Коломне» [Серков, 2020, II, 637].

Никаких выводов о масонской деятельности этих клириков невозможно сделать по причине отсутствия информации. Без них список православных священнослужителей-масонов сокращается до 17 человек. Но вступление этих священников в ложи не было случайностью.

В XVIII–XIX вв. в России масонство постоянно находилось на подозрении у властей. Екатерина II и Павел Петрович накладывали негласные запреты на работу лож. Александр I и Николай I издали официальные запреты, которые так и не были сняты. В кон. XIX в. российские чиновники продолжали давать подписки о непринадлежности к масонским ложам. В такой тревожной обстановке принимать клирика Русской Православной Церкви в ложу было рискованно. Чтобы решиться на такой шаг, масоны должны были иметь серьезный побудительный мотив. В первую очередь служитель культа нужен был в ложе в религиозных целях. Такие цели имели масоны систем, базирующихся на христианской доктрине, это были «тамплиеры» и «розенкрейцеры». К братьям-священникам ходили на исповедь другие члены ложи, они гарантировали

остальным верность и каноничность избранного пути. В высших степенях священники были нужны для совершения тайных ритуалов. Сведений о том, что в России кто-то из священников-масонов был введен в высшие степени масонства, пока не обнаружено. Часть ритуалов высших степеней масонства была составлена на латыни, на том же «языке науки» пелись молитвословия во время ритуалов. Среди русских аристократов XVIII в. людей с университетским образованием насчитывалось мало. А в ложах высших степеней нужны были священники, так как преподавание в семинариях XVIII в. проходило на латыни и выпускники-отличники знали этот язык. Священники и студенты использовались в качестве переводчиков. Есть свидетельства, что А. Ф. Лабзин и И. А. Поздеев принимали священников в ложи без обряда посвящения. Это облегчало адаптацию, так как обряд посвящения сложен и может вызывать вопросы с позиций православия. После запрета 1822 г. собрания розенкрейцеров чаще всего проходили без обрядов. Таким образом, ритуальная составляющая масонства была мало знакома клирикам-масонам, входившим в розенкрейцерские сообщества.

«Дружеское ученое общество», созданное московскими масонами, затем перешедшими к «Розенкрейцерской» системе, открыло собственные учебные заведения, куда направлялись семинаристы: в 1782 г. были основаны Педагогическая и Филологическая семинарии, в них были привлечены более 40 семинаристов. Далеко не все ученики «Дружеского ученого общества» приняли масонство, а те, кто принял, строили затем светскую карьеру. Г. А. Лихоткин указывал места службы трех семинаристов, отправленных митр. Платоном (Левшиным) в семинарию «Дружеского ученого общества». Один из них принял монашество и преподавал риторику в Заиконоспасском монастыре, двое других служили священниками «у Николы на Барсеневке за Москвой рекой» и «у Иоанна Воина» [Лихоткин, 1972, 22] (последний — Матвей Десницкий, будущий митрополит Санкт-Петербургский Михаил).

Список клириков-масонов, принадлежность которых к конкретным ложам установлена, подтверждает выводы об их принадлежности к «Розенкрейцерской» системе. Единственным исключением является свящ. Григорий Ефимов (1755–?). В 1790 г. он был православным священником и членом ложи «Малого света» в Риге (см.: [Серков, 2020, I, 522]). В этой достаточно многочисленной ложе, работавшей и в высших степенях, священник обеспечивал нужды русских братьев.

Крупнейшим клириком-масоном был митрополит Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий Матвей Михайлович; 1761–1821). В 1783 г. он был направлен из семинарии в училище «Дружеского ученого общества». Там он был посвящен в масоны и достиг степени «Теоретический градус Соломоновых наук» (см.: [Кондаков, 2018, 461–506]). Сведений об участии митр. Михаила в масонском движении XIX в. не обнаружено. Масонство его, известное властям, стало залогом его лояльности по отношению к религиозным реформам князя А. Н. Голицына. Следующий митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский Стефан Васильевич; 1763–1843) также был воспитанником «Дружеского ученого общества», но сведений о его посвящении в масонство нет.

В XVIII в. в розенкрейцерской ложе был посвящен свящ. Семен Иванович Соколов (1772–1860). Выпускник МДА, доверенное лицо митрополита Московского Филарета (Дроздова), он пользовался авторитетом в среде розенкрейцеров. После запрета лож в 1822 г. свящ. С. Соколов был членом «Теоретического градуса Соломоновых наук», в 1834 г. в его доме проходили тайные собрания. Масоном был и его сын свящ. Михаил Семенович Соколов († до 19.08.1858) (см.: [Серков, 2020, II, 394]). Еще один родственник Соколова был членом «Теоретического градуса» — священник, монах Троице-Сергиевой лавры Иннокентий (Орлов Иван Иванович; 1798–1870). Он был духовником митрополита Московского Филарета (Дроздова). С 1841 г. настоятель Лужецкого, с 1854 г. Знаменского, с 1859 г. Богоявленского монастырей (см.: [Серков, 2020, II, 183]).

Целый ряд священников входил в ложи розенкрейцеров в XIX в., это были ложи «Умиравший сфинкс» (С.-Петербург) под управлением А. Ф. Лабзина и «Нептун» (Москва), руководимый П. И. Голенищевым-Кутузовым. Ложи были основаны в конце XVIII в. по соглашению между Н. И. Новиковым и И. А. Поздеевым. Известно всего

двое священников, вошедших в ложу «Умиравший сфинкс». Первый — Алексей Абрамович Сперанский (1783–1821), священник церкви Покрова. Он был посвящен в степень мастера и посещал собрания до закрытия ложи (см.: [Серков, 2020, III, 403]). Второй — Иов (Куроцкий; 1873–?) в 1815–1818 гг., иеромонах, законоучитель Морского кадетского корпуса. С ним был связан громкий скандал. Сразу после масонского посвящения (без соблюдения ритуала) иером. Иов впал в помешательство и осквернил церковь своего корпуса. Расследование по этому делу было свернуто митр. Михаилом (Десницким) и на карьере иером. Иова сказались лишь отчасти: он был удален из столицы и назначен настоятелем монастыря (см.: [Кондаков, 2022, 208–211]). В ложу «Умиравший сфинкс» после этого священники не принимались.

Ложу «Нептун» в Москве курировал один из лидеров розенкрейцеров И. А. Поздеев. Она работала по «Шведской» системе. Поздеев считал, что на работы розенкрейцеров в России наложен запрет и он не может нарушаться до особого распоряжения из Берлина. При этом Поздеев готовил базу для будущих розенкрейцеровских работ. Только этим можно объяснить привлечение в ложу «Нептун» священников. Это стало возможным благодаря тому, что в духовных кругах Москвы у розенкрейцеров сохранились прочные связи еще с XVIII в. Диакон Николай Михайлович Колтовский (†1812) был в мастерской степени уже в 1806 г., занимал в ложе ряд должностей. Священник Петр Лебедев был в мастерской степени в 1814 г., умер не раньше 1818 г. Об этих клириках другой информации нет.

Новый этап пребывания православных клириков в масонских ложах связан с ложей «Ищущих манн», открытой в Москве в 1817 г. На ее базе была открыта «Шотландская» ложа, а с 1820 г. ложа «Теоретического градуса». В нее были собраны последователи И. А. Поздеева, с его точки зрения, достойные принять розенкрейцеровское посвящение. В ложе были возрождены практики московских розенкрейцеров XVIII в. Сильная религиозная составляющая этого учения и привлекла в сообщество священников. В ложу они входили по родственным и дружеским связям. Большая часть этих священников была посвящена в «Теоретический градус соломоновых наук».

В этот период тайного существования масонства в России служебный уровень клириков-масонов был наиболее представлен. По своему статусу они даже превосходили светских участников собраний (за исключением министра С. С. Ланского). На первом месте находился член Св. Синода, обер-священник армии и флота Василий Иванович Кутневич (1787–1866). Выпускник СПбДА, он был участником тайных собраний в 1823–1857 гг., посвящен в степень мастера (см.: [Серков, 2020, II, 392]). Членом «Теоретического градуса» был крупный ученый, богослов Федор Александрович Голубинский (1797–1854). Священник, профессор МДА, он был членом Цензурного комитета. В «Теоретический градус» входил его сын Дмитрий Федорович Голубинский (1832–1903), выпускник МДА и ее профессор (см.: [Серков, 2020, I, 615–617]). Еще одним ученым был Михаил Яковлевич Глухарев (в монашестве Макарий; 1792–1847). Известный миссионер, переводчик Ветхого Завета, в 2000 г. он был канонизирован Русской Православной Церковью. По сведениям Серкова, он в 40-е гг. XIX в. (уже после принятия монашества) посещал собрания «Теоретического градуса» в Москве, а значит, был посвящен в пятую степень «Розенкрейцеровской» системы (см.: [Серков, 2020, I, 557]). Этот факт можно оспаривать, так как сведений о масонском посвящении архим. Макария пока не обнаружено.

Членами тайных собраний российских розенкрейцеров в степени «Теоретический градус» после 1822 г. были следующие священнослужители. Павел Игнатьевич Беневоленский (1800–1865) — окончил МДА (1826), в 1834–1849 гг. настоятель церкви Нового Воскресения (что на Остоженке), в 1849–1865 гг. настоятель церкви Николая Явленного на Арбате, духовник А. С. Хомякова; член «Теоретического градуса» после 1822 и по 1862 г. (см.: [Серков, 2020, I, 195]). Илья Михайлович Воинов (?–1854) — протоиерей церкви Девяти мучеников в Москве, член «Теоретического градуса» по 1854 г. (см.: [Серков, 2020, I, 427]). Алексей Иванович Малов (1787–1855) — выпускник СПбДА, священник Главного немецкого училища, протоиерей Исаакиевского собора, доктор

богословия, профессор СПбДА, член Российской Академии, участник собраний «Теоретического градуса» в 1827–1864 гг. (см.: [Серков, 2020, II, 544]). Александр Семенович Милованов (1815–1875) — выпускник МДА, священник, законоучитель в Александровском училище, член «Теоретического градуса» (см.: [Серков, 2020, II, 604]).

Последним священником, вошедшим в Орден золотого и розового креста в России, стал представитель династии Арсеньевых — свящ. Иван Васильевич (1862–1930), выпускник МДА, в 1889–1892 гг. преподаватель Вифанской духовной семинарии, в 1899–1917 гг. настоятель церкви св. вмц. Екатерины, доктор богословия (1914), посвящен отцом в «Теоретический градус» (см.: [Серков, 2020, I, 104]).

Можно согласиться с С. П. Карпачевым в том, что православные клирики были в российском масонстве исключительным явлением. Даже если известна только половина имен, это лишь ничтожная часть в рядах российских масонов, меньше одного процента. При этом очевидно, что в Ордене золотого и розового креста («Розенкрейцерская» система) клирики занимали заметное место. Именно там мы видим митрополита, членов Св. Синода, профессоров духовных академий, богословов, духовников влиятельных особ и даже святого. В XVIII в. российские розенкрейцеры делали ставку на семинаристов, но гонения на Орден помешали вовлечь в его орбиту священников. В нач. XIX в. священники встречались среди розенкрейцеров. Не исключено, что при МДА И. А. Поздееву удалось возродить нечто напоминающее семинарии «Дружеского ученого общества». Плоды эта деятельность принесла уже после закрытия масонских лож в 1822 г. В период запрета лож священники занимали видное место среди московских розенкрейцеров. Причиной такой популярности этой системы масонства среди духовных лиц была ее религиозная направленность. В то время, когда российское богословие еще только формировалось, розенкрейцеры могли предложить священникам веками накопленный и переработанный в православном ключе европейский религиозный опыт.

Источники и литература

1. Арсеньев (2005) — *Арсеньев В. С.* Воспоминания и дневник. СПб., 2005.
2. Кондаков (2018) — *Кондаков Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX вв. М., 2018.
3. Кондаков (2022) — *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (Спасский). Сочинения и общественная деятельность. М., 2022.
4. Лихоткин (1972) — *Лихоткин Г. А.* Оклеветанный Коловион. Л., 1972.
5. Пекарский (1869) — *Пекарский П. П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1869. Т. VII. № 4. С. 2–224.
6. Покровский (2010) — *Покровский В. И.* Николай Иванович Новиков, его жизнь и сочинения. Москва, 2010.
7. Протасов (1897) — *Протасов А. П.* Из записей и воспоминаний протоиерея Г. П. Смирнова-Платонова // Русский архив. 1897. Кн. 3. № 9. С. 110–122.
8. Серков (2000) — *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. М., 2000.
9. Серков (2000) — *Серков А. И.* Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX. М., 2020. Т. I–IV.
10. Фотий Спасский (1894) — *Фотий [(Спасский), архим.]*. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия. Кн. 2 // Русская старина. 1894. Год XXV. Июль. С. 195–230.
11. Фотий Спасский (2010) — *Фотий (Спасский), архим.* Борьба за веру. Против масонов. М., 2010.